

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА БРИТОВА

(1901—1968)

10 января 1968 г. скоропостижно скончалась заведующая отделом античного искусства ГМИИ им. А. С. Пушкина, кандидат исторических наук Наталья Николаевна Бритова. В лице Н. Н. Бритовой советское антиковедение и искусствоведение потеряло большого специалиста, перу которого принадлежит целый ряд работ в различных областях античного искусства. Наталья Николаевна Бритова родилась в 1901 г. в семье ветеринарного врача. В 1919 году окончила женскую гимназию в Гомеле, в 1920 г. поступила в Московский государственный университет, на факультет общественных наук, который окончила в 1924 году. До 1929 г. Наталья Николаевна работала библиотекарем в медицинской библиотеке МГУ, с 1929 по 1931 г. в научно-технической библиотеке ВСНХ СССР, откуда в 1931 г. перешла на работу в ГМИИ. В Музее Наталья Николаевна работала экскурсоводом, ученым секретарем, научным сотрудником отдела античного искусства, а с 1947 г. до конца жизни — заведовала этим отделом.

В период Великой Отечественной войны Наталья Николаевна проводила большие работы по охране здания и памятников Музея, за что имела правительственные награды.

В 1946 г. Н. Н. Бритова окончила аспирантуру Института истории материальной культуры Академии наук СССР, защитив кандидатскую диссертацию на тему «Боспорские надгробия эллинистическо-римского времени».

Основная научная деятельность Натальи Николаевны развернулась после Великой Отечественной войны, когда она приняла участие в написании «Всеобщей истории искусства», изданной Академией художеств СССР. Ее перу принадлежит три главы I тома: «Эгейское искусство», «Искусство древнего Рима», «Искусство Северного Причерноморья». Статьи Н. Н. Бритовой по различным вопросам античного искусства неоднократно печатались в «Трудах» и «Сообщениях» ГМИИ и других периодических изданиях. Ее книга «Греческая терракота» выходит из печати в 1968 г. Одновременно, в течение ряда лет Н. Н. Бритова вела курс по истории античного искусства на искусствоведческом отделении истфака МГУ, а в 1959—1960 гг. была деканом факультета изобразительных искусств Народного университета Первомайского района г. Москвы. Безвременная кончина Н. Н. Бритовой особенно тяжела для нас, ее друзей и товарищей, которые десятки лет работали вместе с ней и под ее руководством в Музее.

Наталья Николаевна всегда была прекрасным товарищем, большим знатоком и горячим энтузиастом музейного дела. Ее работа в ГМИИ навсегда останется для нас образцом благородного служения делу изучения и популяризации античного искусства, которому она посвятила всю свою славную жизнь.

Группа товарищей

ПРИЛОЖЕНИЕ

ISOCRATIS
ORATIONES

ИСОКРАТ
РЕЧИ

*

ПЕРЕВОД
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
К. М. КОЛОВОЙ

(Продолжение)

XV. ОБ ОБМЕНЕ ИМУЩЕСТВОМ*

Как сообщает Демосфен в речи «Против Фениппа», афинский законодатель Солон с целью заставить богатых граждан выполнять литургии и оградить в то же время менее зажиточных от несения дорогостоящих государственных повинностей ввел закон, согласно которому человек, привлеченный государством к выполнению какой-нибудь дорогостоящей литургии — как, например, оснащение триеры (триерархия), содержание и обеспечение хора всем необходимым (хорегия) и т. п., имел право назвать более богатого, чем он, человека, на которого эта литургия могла быть возложена. Если последний заявлял, что недостаток средств не позволяет ему ее выполнять, то назвавший его имя имел право предложить ему обменяться имуществом (*προσκαλεῖσθαι τινά εἰς ἀντίδοτον* — Lys., De Inval., 9) и тогда уже согласиться на выполнение литургии. Спорящие стороны опечатывали дома друг друга своими печатями. Через три дня после этого, предварительно дав клятву в том, что они ничего не скрывают, спорящие стороны передавали опись своего имущества для расследования, после чего дело поступало в суд. Если суд высказывался в пользу лица, предложившего обмен, вторая спорящая сторона была обязана или согласиться на обмен имущества, или же принять на себя выполнение литургии. Если же суд высказывался против лица, предложившего обмен, последнее обязано было взять на себя выполнение литургии.

Исократ дважды привлекался к суду в связи с процессами об обмене имуществом. В первый раз это произошло в 355 г. до н. э. (обвинителем выступал тогда Мегаклид). В этом процессе оратор, будучи больным, поручил выступить вместо себя своему приемному сыну Афарею и выиграл дело. Вторично он был привлечен по тому же самому поводу в 353 г. до н. э. Лисимахом, и в этом процессе победу одержал обвинитель — после чего Исократ был вынужден взять на себя обязанности триерарха. Последний случай послужил поводом к написанию речи «Об обмене имуществом».

Речь особенно интересна своей ярко классовой направленностью: она содержит политическое кредо Исократа. Оратор выступает здесь в качестве выразителя интересов зажиточных кругов афинского государства, тяготившихся порядками, установленными демократической партией.

* * *

ГИПОТЕСИС ИЗ (СЛОВАРЯ) ФОТИЯ

Речь, озаглавленная «Об обмене», как кажется, относится, к роду судебных речей и содержит защиту Исократа против обвинений Лисимаха. Исократу было 82 года во время сочинения этой речи, самой длинной из всех (его речей).

Речь смешанного типа и значительно разнообразнее других его речей. Исократ цитирует также фрагменты из других речей, посредством которых он доказывает, что не развращал молодых людей, но приносил пользу государству.

(1) Если бы эта речь, которая должна быть сейчас прочитана, была подобна тем, которые произносятся во время судебных разбирательств или читаются перед всеми в качестве образцов красноречия, то не возникло бы необходимости предварительно что-либо о ней говорить. Ныне же, вследствие новизны ее и своеобразия, в ней заключенного, надо сна-

* Перевод В. Г. Боруховича.

чала сказать о причинах, которые заставили меня написать эту речь столь отличной от других: если этого не объяснить, многим она, пожалуй, покажется нелепой. (2) Мне ведь известно, что некоторые софисты¹ порицают направление моих занятий и говорят, что оно заключается в искусстве составления речей для тяжб. Говоря так, они поступают подобно человеку, который осмелился бы назвать Фидия, изваявшего статую Афины, изготовителем мелких статуэток, или сказать, что Зевксис и Паррасий занимаются тем же ремеслом, что и изготовители картинок². Все же я никогда не стремился отвечать на подобные оскорбительные для меня заявления, (3) считая, что их болтовня не имеет никакого значения; напротив, я сумел совершенно ясно показать всем, что целью моих речей и сочинений является не защита частных интересов, но предметы столь великого значения и важности, о которых никто другой не осмелился бы рассуждать — за исключением тех, кто входит в круг моих учеников или стремится им подражать.

(4) Дожив до столь преклонного возраста, я полагал, что пользуюсь благоволением всех сограждан вследствие подобных моих занятий, а также вследствие моей уединенной жизни³. Ныне же, когда моя жизнь близка к завершению и я оказался привлеченным к суду в процессе об обмене имуществом в связи с возложенной на меня триерархией, я узнал, что некоторые из них расположены ко мне совсем не так, как я до сих пор считал, но что, напротив, одни имеют самые ложные представления о моих занятиях и склоняются к тому, чтобы верить клеветующим на меня людям; другие же, хорошо зная, чем я в действительности занимаюсь, завидуют мне и испытывают по отношению ко мне те же чувства, что и софисты. Они радуются, видя, что некоторые имеют самые ложные представления о моей деятельности. (5) Свое отношение ко мне они проявили следующим образом. Когда мой противник не сказал ни одного справедливого слова в связи с делом, составлявшим предмет этого судебного разбирательства, но в клеветнических целях преувеличил силу и влияние моих речей, наговорив также кучу лжи о моем богатстве и количестве обучающихся у меня учеников⁴ — они признали справедливым, чтобы литургия пала на меня. Тяжесть выпавших на мою долю расходов я переносил так, как подобает людям, не переживающим чрезмерно по поводу подобных событий, но и не имеющим обыкновения легко и безрассудно расходовать свои средства. (6) Узнав же, как я говорил выше, что количество людей, неверно представляющих себе суть моей деятельности, слишком велико, я стал думать о том, как мне разъяснить им, а также будущим потомкам, в чем состоит истинный характер моей деятельности, жизни и преподавания, которое я веду: я стал думать о том, что мне надо сделать, чтобы не остаться навсегда обвиненным указанным выше образом — не оказаться отданым, как ныне, на прозвол тех, кто привык оговаривать меня. (7) Раздумывая над этим, я пришел к выводу, что существует единственный путь для достижения указанной цели: я должен написать речь, которая явится правдивым

¹ Следуя традициям литературной полемики своего времени, Исократ не называет имен своих противников, еще здравствующих.

² Имеются в виду, по-видимому, афинские ремесленники, расписывавшие посвященные глиняные таблички в благодарность богам за избавление от опасностей на море; Зевксис и Паррасий — художники, жившие в Афинах около 400 г. до н. э. Ср. Tibullus, I, 3, 27 сл.

³ Ἀπραγμοσύνη — стремление держаться в стороне от общественной жизни; оно было свойственно людям аристократического образа мышления.

⁴ Ср. § 30. Исократ стремится восстановить свое алиби в двух пунктах: а) об учениках (§ 39) и б) о состоянии имущества (§ 33, 146, 154, 158).

отображением моего образа мышления и всей моей жизни. Тогда я смогу надеяться, что благодаря ей моя жизнь и идеи будут поняты, да и сама речь станет мне памятником гораздо более прекрасным, чем бронзовые изваяния⁵. (8) Если бы я попытался восхвалять самого себя, я скоро увидел бы, что не смогу охватить всего того, о чем собирался говорить, и передать это привлекательным, не вызывающим злобы образом; и вот мне пришло в голову представить себя как бы вызванным на суд и подвергшимся опасности, а того, кто написал на меня донос и доставил мне столько неприятностей, — сикофантом, выступившим против меня с теми же самыми обвинениями, которые были выдвинуты против меня во время процесса об обмене имуществом (в то время, как я сам стану говорить о себе в форме оправдательной речи); такое построение речи даст мне возможность свободно и легко говорить обо всем, что я собирался рассказать.

(9) Поняв это, я написал эту речь, находясь не в поре расцвета, а в возрасте 82 лет. Поэтому в случае, если она окажется более слабой⁶, чем изданные мною прежде, мне должно быть оказано снисхождение. Речь эта не оказалась ни легкой, ни простой, но потребовала при составлении большого труда. (10) Некоторые из частей ее принадлежат к числу таких, которые подобает произносить на суде, другие же, напротив, не подходят для этой цели, но свободно трактуют вопросы, связанные с изучением философии⁷, показывая ее силу и влияние. Есть в ней и материал, который может принести пользу тем из молодых людей, кто стремится к учению и образованию. Примешано сюда и многое из того, что было давно написано мною; однако это сделано не беспорядочно или некстати, но сообразно поставленным здесь целям. (11) Охватить мысленно взглядом речь такого размера, скомпоновать столь многочисленные и столь различные между собой части, согласовать последующее с предыдущим, добываясь того, чтобы не возникло никаких противоречий⁸, — все это было немалым трудом. Тем не менее, я не отступил от поставленной цели — хотя и нахожусь в таком преклонном возрасте, — пока не закончил ее, написанную с наибольшей правдивостью. Что же касается всего остального, то она такова, какой покажется слушателям. (12) Необходимо, чтобы те, кто будет читать эту речь вслух⁹, прежде всего согласовали свое чтение с особенностями этой речи, смешанной по своему характеру и написанной в соответствии с темами, положенными в ее основу. Затем они должны большее внимание обращать на то, что будет сказано далее, чем на то, о чем говорилось прежде, и не ставить себе целью произнести всю речь сразу и целиком, но прочесть столько, сколько не покажется утомительным для слушателей. Если станет руководствоваться этими соображениями, тогда вы сможете лучше определить, говорим ли мы в этой речи такое, что достойно нас самих.

(13) Таковы те предварительные замечания, которые необходимо было сделать. Теперь читайте защитительную речь, написанную так, как будто ее цель — быть произнесенной перед судом — речь, в которой обо мне должна быть сказана вся правда, чтобы те, кто ее не знает — ее узнали,

⁵ Ср. Ad Nicocl. 36; Evag. 72 сл.; ср. P s. - P l u t., Isocr. 27.

⁶ Ср. Phil. 149; Panath. 4; Epist. VI, 6.

⁷ Под термином «философия» Исократ здесь подразумевает весь цикл наук (главным образом реторику), преподававшихся в его школе. Ср. Paneg. 10, перевод К. М. Колобовой, ВДИ, 1965, № 4, стр. 217; см. также прим. 6 к этому месту, а также ВДИ, 1965, № 3, стр. 214, прим. 7.

⁸ Требование внутреннего единства речи характерно для Исократ; ср. C. soph. 16 сл., ср. также P l a t o, Phaedr. 264 сл., 273 DE.

⁹ Это наставление чтецу, которому поручено чтение речи. Ср. Phil. 26.

а завидующие мне терзались бы еще бóльшими муками зависти. Ведь более сильного наказания для них я не смог бы, пожалуй, найти.

(14) Я полагаю, что наихудшими из всех и заслуживающими самого сурового наказания людьми являюся те, кто, будучи сами в чем-либо виноваты, дерзают обвинять в этом других, — а именно это и сделал Лисимах. Этот человек, читая сам речь по написанному тексту, сочинил о моих произведениях речь бóльшую по размерам, чем обо всех прочих делах; это выглядит так, как если бы кто-то, обвиняя другого человека в краже священных предметов из храма, сам оказался бы изблеченным в том, что держит в руках принадлежащие богам вещи. (15) Я многое бы отдал, если бы он действительно считал меня настолько красноречивым, как он об этом говорил, выступая перед вами: тогда бы он никогда не рискнул доставлять мне неприятности. Ныне же он заявляет, что я могу неправые речи делать правыми¹⁰; он относится ко мне с таким презрением, что, говоря ложь, надеется легко меня одолеть, когда я говорю истину. (16) Обстоятельства оказались настолько для меня неблагоприятными, что в то время как другие речами защищаются от клеветнических обвинений, Лисимах обрушился с величайшей клеветой на составленные мною речи со следующей целью: если я окажусь в достаточной степени красноречивым, то тем самым докажу справедливость его слов о необыкновенной силе красноречия, которой я обладаю; но если я буду говорить намного хуже, чем вы, поверив ему, ожидаете, то вы сочтете, что правда не на моей стороне.

(17) Поэтому я прошу вас не слишком верить словам моего обвинителя и не слишком недоверять им, прежде чем вы не услышите все, о чем я собираюсь вам сказать: вы должны помнить при этом, что не было бы никакой необходимости предоставлять обвиняемым право на защитительную речь, если бы можно было на основании речи обвинителя прийти к справедливому решению. Ныне же каждый из присутствующих может судить конкретно о том, хорошо ли, плохо ли сказал свою обвинительную речь мой противник; о том же, в какой степени справедливыми являются доводы, лежащие в основе его речи, — это судьям¹¹ решить на основании только прослушанной речи обвинителя нелегко. Поэтому желательно, чтобы они могли установить истину, сравнивая речи обоих.

(18) Я не удивляюсь теперь тем людям, которые тратят на опровержение лживых обвинений больше времени, чем на собственную защитительную речь; не удивляюсь и тем, кто полагает, что клевета — величайшее зло. Действительно, что может быть более опасным? Она ведь приносит лжецам славу, набрасывает тень на ни в чем неповинных людей, заставляет судей нарушать клятвы, вообще устраняет правду из жизни. Распространив лживую молву среди слушателей, она губит любого из граждан, хотя бы он ни в чем не был виноват. (19) Поэтому следует остерегаться, чтобы и с вами не случилось чего-либо подобного, чтобы вы не оказались повинными в том же самом, что порицаете в других людях. Я полагаю, что вы хорошо знаете, как часто нашему государству приходилось расквашиваться¹² в своих решениях, принятых под влиянием чувства гнева,

¹⁰ По-видимому, это было популярным в Афинах конца V и IV в. до н. э. обвинением, направленным против софистов, учивших мастерству слова — как можно судить на основании пьесы Аристофана «Облака», где именно в этом и обвиняется Сократ.

¹¹ Ср. A n d o c., De myst. 7.

¹² Вероятно, намек на процесс стратегов-победителей при Аргинусских островах. Ср. X e n., Hell. I, 7, 35; P l a t o, Apolog. Socr. 32 D. Не исключено, что имеется в виду и процесс Сократа, обвиненного (ср. прим. 19), как это случилось позже и с Исократом, в развращении юношества. О раскаянии афинского народа после процесса см. Themist. or., XX, p. 293; D i o g. L a e r t., II, 43.

а не обусловленных вескими причинами. Так что спустя некоторое время правители решали привлечь к ответственности виновных в обмане государства и охотно желали бы увидеть оклеветанных до этого находящимися в лучших, нежели прежде, условиях. (20) Помня об этом, не следует безоговорочно верить речам обвинителей и поднимать шум, со злобой и недоброжелательством внимая речам оправдывающихся¹³. Ведь будет стыдно, если вы, в то время как все остальные единодушно считают вас во всех прочих делах наиболее сострадательными и кроткими из эллинов, в этом процессе покажете себя совершенно в ином свете, и это будет противоречить сложившемуся о вас мнению. (21) В то время как у других, когда дело идет о жизни человека, часть голосов добавляется в пользу обвиняемых¹⁴, у вас последние не пользуются правами, равными правам обвинителей¹⁵; и хотя вы ежегодно клянетесь слушать с равным вниманием и обвиняемых и обвинителей, (22) вы действуете совершенно противоположным образом настолько, что охотно принимаете на веру все, чтобы не говорили обвинители, а голосов тех, которые пытаются их опровергнуть, даже и слушать не желаете¹⁶. Вы считаете, что нельзя жить в тех государствах, в которых граждане гибнут без суда и следствия, но не знаете того, что то же самое делают те, кто не внимает с равным беспристрастием спорящим сторонам на суде. (23) Самое же ужасное состоит в том, что если кто-нибудь сам привлекается к суду — он гневно изобличает клеветников, когда же сам судит другого, отнюдь не сохраняет своего неодобрительного отношения к выступающим с клеветой. А ведь следует, чтобы люди, имеющие разум, были такими же справедливыми судьями по отношению к другим, какими бы хотели видеть их по отношению к себе — помня, что из-за тех, кто дерзает ложно обвинять людей, становится неизвестным, кто, оказавшись в свою очередь привлеченным к суду, будет вынужден говорить то же самое, что говорю сейчас я (обращаясь к тем людям, кто должен будет подать свои голоса по моему делу). (24) И даже тому, кто придерживается добропорядочного образа жизни, не следует быть уверенным в безопасности своего существования как гражданина: ведь лица, забывшие о своих собственных делах и избравшие целью своей жизни покушения против состоятельных других, не оставляют в покое и порядочных граждан, а тех лиц, кто в чем-либо виновен, выставляют перед вашим судом: они показывают, насколько велико их влияние, преследуя ни в чем не повинных людей, и тем самым добиваются больших денег от тех, кто открыто запятнал себя преступлениями¹⁷. (25) Понимая все это, Лисимах привлек меня к суду в нынешнем процессе, полагая, что суд надо мной будет способствовать его собственному обогащению за счет других. Он ожидает, что если он одержит надо мной верх благодаря своему красноречию — надо мной, кого он называет наставником других в ораторском искусстве, — то тогда его сила и влияние окажутся в глазах всех остальных недолимыми. (26) И Лисимах надеется легко всего этого достигнуть. Ведь он видит, как охотно и быстро вы проникаетесь доверием к клеветническим обвинениям, выдвигаемым против меня, а также и то, что я не могу оправдаться от обвинений достойным моей славы образом, как вследствие преклонного своего возраста, так и из-за неопытно-

¹³ Ср. P l a t o, Apolog. Socr. 30 С.

¹⁴ Других сведений об этом нет.

¹⁵ По Исократу, обвиняемые в других государствах пользуются большими правами, чем в Афинах.

¹⁶ Ср. De расе, 3; D е m., De cor., 1 сл.

¹⁷ Ср. Агеор. 24; Paneg. 76; Panath. 145 сл. В этих речах оратор высказывает противоположные взгляды.

сти¹⁸ в подобного рода судебных процессах¹⁸. (27) Я ведь прожил всю свою жизнь так, что ни при олигархическом, ни при демократическом строе никто никогда не обвинил меня в совершении несправедливости или прямого преступления. Вы не найдете ни одного человека, кто выступил бы в качестве третьей стороны или просто судьи по поводу совершенных мною действий. Я приучил себя ни в чем не нарушать справедливости по отношению к другим; подвергаясь же несправедливому обращению, я искал удовлетворения не путем возбуждения судебного дела, но обращаясь к друзьям обидевших меня людей, чтобы они разрешили наш спор полюбовно. (28) Однако, все это не принесло мне никакой пользы, но, прожив без тягб до столь преклонного возраста, я ныне подвергаюсь такой опасности, как если бы причинил несправедливость всем.

Однако я не прихожу в отчаяние из-за величины расходов, выпавших на мою долю, но если захотите вы слушать меня с благожелательностью, твердо надеюсь вскоре переубедить тех, кто неправильно представляет себе существо моих занятий и обманут людьми, стремящимися меня очернить, — а тех, кто представляет себе меня таким, как я есть в действительности, укрепить в этом мнении. (29) Но чтобы я не слишком надоел вам своим вступительным словом — не вводя вас в существо дела — я, оставив все это, перейду к сути того вопроса, о котором вам предстоит вынести решение. Прочитай обвинительное заключение.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(30) В этом заключении обвинитель пытается оклеветать меня, говоря, что я развращаю юношей¹⁹, обучая их красноречию, с помощью которого они, будучи неправыми, смогут одерживать верх на судебных процессах, в других же частях речи он представляет меня таким великим оратором, каких никогда не бывало ни среди тех, которые постоянно шатаются, выступая с речами, по судам, ни среди тех, кто занимается преподаванием философии; он говорит, что моими учениками становились не только частные лица, но и ораторы, и стратеги, и цари, и тираны. От них я получил множество денег, да и теперь еще продолжаю получать. (31) Он построил свое обвинение именно таким образом, так как полагал, что вся та ложь, которую он распространяет относительно меня, моего богатства, количества обучающихся у меня учеников, непременно вызовет зависть и недоброжелательство у всех слушателей²⁰, а то, что говорится по поводу связанных с судилищами дел, вызовет у вас чувство гнева и ненависти. Судьи же, проникшиеся такими чувствами к обвиненным, выносят всегда самые тяжкие решения.

Но, полагаю, я легко смогу доказать, что он, прежде всего, допустил сильнейшие преувеличения; что же касается всего остального, то оно полностью является ложью. (32) Я прошу вас не обращать серьезного внимания на прослушанные вами до этого речи людей, которые хотели очернить и оклеветать меня, не верить тому, что безосновательно и бездоказательно говорилось обо мне, не руководствоваться теми мнениями, которые несправедливо распространили обо мне эти люди. Напротив, я прошу вас считать меня таким, каким я окажусь в ваших глазах после

¹⁸ Исократ дословно повторяет слова защитительной речи Сократа; ср. P l a t o, Apolog. Socr. 17 D.

¹⁹ Повторяется обвинение, в свое время выдвигавшееся против Сократа. Ср. P l a t o, Apolog. Socr. 23 C — 24 B; X e n., Memor. I, 1, 1; D i o g. L a e r t., II, 40.

²⁰ Ср. H y p e r., Pro Euxen. 32 сл.

вынесения вами своего суждения на основании прослушанного обвинения и моей защитительной речи. Поступая так, вы окажетесь принявшими свое решение в соответствии с законом и справедливостью; таким образом в отношении меня будет осуществлена полнейшая законность.

(33) Настоящий процесс, я полагаю, является самым убедительным свидетельством тому, что никто из моих сограждан ни разу не пострадал ни от моего красноречия, ни от моих сочинений. В самом деле, если бы здесь присутствовал кто-нибудь обиженный мною, то в этом случае, даже если он ранее и не проявлял своих чувств, он не замедлил бы воспользоваться настоящим случаем и сразу выступил бы с тем, чтобы против меня свидетельствовать и меня обвинить. Если мой обвинитель, никогда не слышавший от меня даже дурного слова, решил привлечь меня к суду по столь важному делу, насколько яростнее должны были бы стремиться осудить меня те, которые ранее пострадали от меня²¹. (34) Действительно, вряд ли можно считать допустимым или возможным, чтобы я оказался виновен в причинении ущерба столь многим людям, а те, кто пострадал из-за меня, сохраняли бы спокойствие и не стали меня обвинять — и более того, повели себя в моем процессе более кротким и сдержанным образом, чем те, которые ни в чем от меня не потерпели обиды (и это в то время, когда у них была полнейшая возможность, рассказав то, что они претерпели, сильнее всего мне отомстить!). (35) Но ни прежде, ни теперь не найдется никого, кто мог бы меня в чем-либо подобном упрекнуть. Поэтому, если бы я услужил обвинителю и даже согласился с ним, что являюсь красноречивейшим из всех людей, сочинителем таких речей, которые приносят вам вред — оратором, подобного которому не бывало — то и в этом случае меня с большим правом следовало бы назвать порядочным человеком, чем подвергнуть наказанию. (36) Ибо то, что человек выдается среди других или своим красноречием или своими делами, естественно относить за счет судьбы; но за то, что я использовал этот дар умеренно и на благо людей, — за это все с полным правом могли бы меня похвалить. И даже если бы я не имел права так говорить о себе — даже в этом случае нельзя доказать, что я являюсь составителем подобных речей. (37) Вы будете вынуждены признать это, когда исследуете характер моих занятий, которые гораздо вернее позволят определить, на чьей стороне правда, чем речи клеветников. Как я полагаю, всем хорошо известно, что люди обычно занимаются именно тем делом, которое они избрали для себя в качестве занятия, обеспечивающего их существование. (38) Те, которые избрали для себя в качестве источника существования ваши дела, возникающие в связи с ними тяжбы и все прочее, что с этим связано, — разве что только не живут в судебных учреждениях. Меня же никто никогда не видел ни в судилищах²², ни в следственных учреждениях²³, ни в залах суда²⁴, ни среди третейских судей; напротив, я далек от всего этого более чем кто-либо из граждан. (39) Далее, вы можете видеть, что все они в состоянии добывать себе средства к существованию, только находясь в вашей среде, а если они отправятся по морю в другое место, то они там испытывают недостаток в самом необходимом. Напротив, все источники моего достатка (который так преувеличен моим обвинителем) находятся за пределами нашего го-

²¹ Ср. Plato, Apolog. Socr. 33 D.

²² Συμβόλιον, в данном случае коллегиальный судебный орган, например, коллегия шести фесмофетов (имела полномочия по большому количеству дел, связанных с нарушениями прав государства).

²³ Διάκρισις — предварительное рассмотрение дела и определение характера процесса судебским чиновником.

²⁴ Дикастерий — суд присяжных, назначавшихся по жребию из членов геллен.

сударства²⁵. Помимо того, с людьми, упомянутыми мною выше, сближаются те, кто сам влачит жалкий образ жизни, или же такие, которые постоянно стремятся доставлять неприятности другим. Напротив, близкие мне люди всегда относятся к числу тех из эллинов, которые полагают своим временем свободнее, чем кто-либо другой. (40) Вы слышали также, как обвинитель говорил, что я получил от Никокла, царя саламинян²⁶, большие и многочисленные подарки. Но кто из вас поверит тому, что Никокл давал их мне с целью научиться выступать в судилищах в то время, как он сам всегда, являясь господином, решал спорные дела других людей? Таким образом, на основании только того, что сказано моим обвинителем, легко можно заключить, что я далек от всех дел, которые связаны со сделками и тяжбами. (41) Общеизвестно, насколько многочисленны люди, сочиняющие речи для вовлеченных в судебные тяжбы. Но хотя их и насчитывается такое множество, ни один из них не оказался достойным иметь учеников. Я же воспитал их больше, как говорит обвинитель, чем все те, кто занимается преподаванием наук. Но можно ли допустить, чтобы о людях, образ жизни которых так различается между собой, позволено было бы сказать, что они занимаются одним и тем же делом?

(42) Хотя у меня есть возможность показать на большом количестве примеров, насколько мой образ жизни отличается от образа жизни тех, кто связан с судебными тяжбами, я полагаю, что существует один способ, прибегнув к которому, я скорее всего сумею вас убедить отказаться от подобного мнения обо мне: а именно, если кто-нибудь вам докажет, что мои ученики учились у меня вовсе не тому, о чем говорит обвинитель, и что я вовсе не являюсь мастером в той области красноречия, которая связана с судебными делами. (43) Поскольку возводившееся прежде на меня обвинение оказывается несостоятельным, мне представляется, что вы теперь захотите составить себе иное мнение обо мне и пожелаете узнать, каков истинный характер тех речей, при помощи которых я снискал себе столь громкую славу. Не знаю, принесет ли мне пользу правдивый ответ: трудно ведь предугадать, как вы его воспримете. Все же я выскажусь перед вами со всей откровенностью. (44) Поскольку я часто говорил о своем желании, чтобы все граждане узнали все относящееся к моему образу жизни и речам, которые я сочиняю, мне пришлось бы постыдиться своих учеников, если бы я сейчас не рассказал об этом открыто и утаил бы истину. Прошу вас выслушать меня так, как надлежит слушать людям, которым предстоит узнать всю правду.

(45). Вам нужно отдавать себе отчет прежде всего в том, что существует не меньше видов речей, тем поэтических произведений. Одни люди²⁷ провели свою жизнь, исследуя генеалогию полубогов, другие рассуждали о творчестве поэтов, третьи пожелали свести воедино различные подвиги, совершенные на войне. Наконец, были и такие, которые занялись составлением произведений, основанных на вопросах и ответах, — их называют антило-

²⁵ Заявление Исократу легло в основу традиции, согласно которой считалось, что Исократ учил афинян бесплатно, а деньги за обучение брал только с молодежи, прибывшей из других городов. Ср. P s.-P l u t., Isocr. 33; однако у того же Псевдо-Плутарха приведена и другая традиция, согласно которой Исократ отказал в обучении Демосфену. Ср. P s.-P l u t., Isocr. 12 сл.

²⁶ Имеется в виду город Саламин на Кипре. О Никокле см. речь Исократу «К Никоклу» и прим. к этой речи (ВДИ, 1965, № 3, стр. 221 слл. Перевод Э. Д. Фролова).

²⁷ Подразумеваются люди, пишущие прозой. Похвала полубогам и трактовка мифологических сюжетов — темы, особенно популярные в софистике, а также и в филологии. Ср. I s o c r., Phil. 109; Panath. 74 сл.; Helena; Busiris. Комментарии творчества поэтов ср. P l a t o, Protag. 338 E сл.; G o r g., 484 B.

гиками²⁸. (46) Крайне нелегко будет кому-нибудь перечислить все существующие виды речей; я упомяну только о том, который имеет отношение ко мне, оставив в стороне все остальные. Есть ораторы, которые, отнюдь не являясь несведущими во всех вышеупомянутых видах, решились писать не речи о частных делах, но речи, предмет которых касается всех эллинов, связанные с политической жизнью государств, а также речи, произносимые на торжественных собраниях — о которых вы все, пожалуй, могли бы сказать, что они более похожи на поэтические или мусические произведения, чем на речи, произносимые в суде. (47) Ведь они излагают предмет речи языком более поэтическим и украшенным, стремятся использовать более возвышенные и неизбитые мысли; кроме того, они пользуются многочисленными риторическими фигурами, наиболее выразительными. В результате все слушатели испытывают наслаждение ничуть не меньше, чем от поэтических произведений, а многие проникаются желанием научиться этому искусству, полагая, что люди, держащие первенство в этом роде ораторского искусства, являются более искусными и лучшими ораторами, могущими принести большую пользу, нежели те, кто красноречиво выступают на судебных процессах. (48) Ведь они знают, что последние стали опытными в судебных делах благодаря своей корыстной и суетливой деятельности²⁹, другие же, напротив, добились мастерства в речах (о которых я говорил выше) благодаря изучению философии³⁰; многие также знают, что первых можно терпеть только в тот день, когда они выступают в суде, вторые же пользуются почетом во всяком обществе и все время, приобретя добрую славу. (49) Кроме того, многие люди видят, как первые, будучи дважды или трижды замеченными в качестве лиц, выступающих на суде, становятся предметом ненависти и злословия; вторые же, чем больше и чаще с ними сталкиваются люди, тем более становятся предметом общего восхищения. Наконец, они замечают, что ораторы, умеющие красноречиво выступать на судах, далеки от того, чтобы уметь сочинить речи указанного выше характера; другие же, если бы только захотели, легко смогли бы овладеть и их искусством. (50) Приняв все это в расчет и сочтя указанный вид ораторского искусства намного более превосходящим все остальные, они загораются желанием научиться этому искусству, в котором я, пожалуй, не принадлежу к числу последних, но завоевал весьма лестную славу. Итак, вы услышали о моем мастерстве — или, если хотите, философии, или системе образования — полностью всю правду³¹.

(51) Но я хочу и приговор вынести сам себе более суровый, чем (те, которые выносятся) по отношению к другим, и речь произнести более смелую, нежели это подобает моему возрасту. А именно, я не только не прошу у вас снисхождения — если я действительно подвигаюсь в том виде ораторского искусства, которое приносит вред, — но и прошу назначить мне самое суровое наказание, если я не окажусь автором такого вида речей, каких никто другой не сочиняет³². Я никогда не стал бы столь самонадеянно делать подобное заявление, если бы не был совершенно уверен в том, что докажу вам это и сумею облегчить понимание самой

²⁸ Ἀντιλογικός — искусный в споре, остроумный. «Λόγοι ἀντιλογικοί» как жанр литературных произведений упоминаются у Платона в диалоге «Федон» (90 В; ср. С. soph. 1, 20).

²⁹ Ср. аналогичные нападки на учителей судебного красноречия: С. soph. 9—13, 19 сл.

³⁰ Ср. Paneg. 11 сл.

³¹ Ср. P l a t o, Apolog. Socr. 20 DE.

³² Ср. Paneg. 14.

сути моих речей. (52) Дело обстоит следующим образом: я считаю самой справедливой и лучшей ту защитительную речь, которая как можно лучше разъяснит судьям сущность дела, по которому они должны вынести свое решение, — чтобы они не терялись в догадках и не задумывались по поводу того, какая же из спорящих сторон говорит правду. (53) Если бы я был обвинен в каких-либо противозаконных проступках, я не смог бы представить эти проступки так, чтобы вы были в состоянии их увидеть: вам поневоле пришлось бы строить о них различные предположения на основе произносимых на суде речей, чтобы составить себе суждение сообразно с обстоятельствами. Но поскольку поводом для обвинения послужили сочиненные мною речи, мне легче будет, я полагаю, сделать истину для вас ясной. (54) Я сам оглашу здесь произнесенные и написанные мною речи, чтобы вы могли вынести по их поводу свое решение, не руководясь чужим мнением, но ясно отдавая себе отчет в том, что они собой представляют. Я не смогу прочесть их все целиком, так как уделенное нам время слишком недостаточно для этой цели: но так же, как поступают с плодами, так и я от каждой речи постараюсь представить вам образцы красноречия каждого рода. Прослушав небольшую часть речи, вы легко сумеете получить представление о моем образе мыслей, а также составите себе мнение о силе воздействия всех моих речей. (55) Я прошу тех, кто не раз читал произведения, которые сейчас будут оглашены, не требовать от меня в настоящий момент чего-либо нового и не считать меня назойливым за то, что я прочту вслух давно знакомые вам вещи. Меня следовало бы назвать так, если бы я стал читать их, чтобы показать мою одаренность. Но я вынужден так поступить по той причине, что ныне привлекаюсь к суду и подвергаюсь опасности. (56) И я заслуживал бы всяческого осмеяния, если бы, — в то время как обвинитель клеветает на меня, будто я сочиняю вредные для государства и развращающие юношей речи, — стал бы иным способом оправдываться, когда имел возможность, огласив именно эти речи, опровергнуть возводимую на меня клевету. По этой причине я прошу вас отнестись ко мне с сочувствием и оказать мне поддержку. Другим же³³ я собираюсь их прочесть, предварительно сказав несколько слов, чтобы они легче могли следить за читаемыми мною речами.

(57) Речь, которая должна быть оглашена перед вами первой, была написана тогда, когда в Элладе первенство принадлежало лакедемонянам, а наше государство переживало тяжелые времена: в ней я призывал эллинов к походу против варваров, у лакедемонян же оспаривал право на гегемонию. (58) Сделав это главным содержанием всей речи, я показал, что наше государство явилось причиной всех благ, которыми пользуются эллины. Закончив ту часть речи, где говорилось об этих благодеяниях, и желая еще яснее показать, что гегемония по праву должна принадлежать нашему государству, я старался затем внушить мысль о том, что наше государство может пользоваться почетом скорее за совершенные им воинские подвиги, чем за какие-либо другие благие дела. (59) Я полагал, что сам смогу произнести все эти рассуждения, но ныне старость препятствует мне это сделать и заставляет отказаться от этого намерения. Но чтобы я полностью не лишился сил, в то время как мне предстоит сказать еще столь многое, прочти им, начав с отмеченного знака³⁴, все то, что говорится там о гегемонии.

³³ Т. е. тем, кому эти речи неизвестны.

³⁴ В греческом подлиннике — *παραγραφῆ*.

ИЗ РЕЧИ «ПАНЕГИРИК» ³⁵

«Я полагаю, что нашим предкам должна воздаваться хвала не в меньшей степени за подвиги в войне, чем за прочие благие дела»

до

«Поскольку мы тогда стояли впереди всех в борьбе за общее дело, неужели теперь мы будем стоять позади других?»

(60) Итак, то, что гегемония по справедливости должна принадлежать нашему государству, легко можно увидеть из только что сказанного. Спросите теперь сами себя, действительно ли дело выглядит так, будто я своими речами молодежь развращаю, а не обращаю на путь добродетели, не призываю ее к перенесению опасностей на благо нашего государства? И справедливо ли будет подвергнуть меня наказанию за сказанное мною вместо того, чтобы получить от вас величайшую благодарность (61) за то, что я так возвеличил в своей речи наше государство и предков и угрожавшую ему в те времена опасность, что все те, кто раньше написал речи на эту тему, уничтожили свои произведения, стыдясь того, что было ими там высказано ³⁶; а те, кто ныне слывет за красноречивых ораторов, вовсе не осмеливаются говорить и писать на такие темы ³⁷, вина во всем недостаток собственных сил.

(62) Хотя дела обстоят именно таким образом, все же найдутся люди из числа таких, которые сами неспособны придумать новое или сказать что-либо достойное, но привыкли только издеваться над другими и бранить чужое, — которые хоть и признают, что обо всем этом у меня сказано изящно (сказать, что хорошо, — они не смогут из зависти), но заявят при этом, что речи, порицающие нынешние ошибки, намного полезнее и лучше тех речей, что восхваляют прежние подвиги; речи же, которые указывают, что надлежит делать в дальнейшем, полезнее и лучше тех, которые распространяются о древних делах. (63) Чтобы лишить их возможности говорить это, я не стану развивать и подкреплять изложенные выше мысли, но представлю вам часть другой своей речи, такую же по величине, как и цитированную выше; из нее станет ясно, что этим всем вопросам мною было уделено большое внимание. В самом начале этой речи говорится о мире, заключенном с родосцами, хиосцами и византийцами (64); после того же, как я разъяснил, насколько выгодно для нашего государства заключить мир, я выступаю там против установленной над эллинами тирании и господства на море, показывая, что эта власть ничем не отличается как по своим действиям, так и по результатам этих действий от монархической ³⁸. Далее я напоминаю о том, что случилось в результате установления тирании и с нашим государством, и с лакедемонянами, и со всеми другими. (65) После того же, как я изложил все это, я высказал свою глубокую скорбь по поводу несчастий Эллады и посоветовал нашим гражданам не допускать, чтобы государство продолжало оставаться в таком состоянии. В конце я призываю к справедливости, изобличаю ошибки и советую, как надо поступать в будущем. Начав с того места, где я обо всем этом говорю, прочти и эту часть.

³⁵ См. перевод речи «Панегирик», ВДИ, 1965, № 4, стр. 222 (§ 51) и стр. 229 (§ 99). Наша редакция перевода цитат из речи «Панегирик» здесь несколько отличается (по форме) от редакции К. М. Колобовой в связи с тем, что цитаты здесь вырваны Исократом из общего контекста той речи, из которой они взяты, и поэтому относятся уже к контексту данной речи, в соответствии с которым они и должны быть переведены.

³⁶ От Олимпийской и Пифийской речей Горгия и Олимпийской речи Лисия сохранились лишь фрагменты; но едва ли верно, что эти ораторы сами могли уничтожить свои речи, устыдясь их после ознакомления с речью Исократа.!

³⁷ Ср. Phil. 11 (об успехе «Панегирика»).

³⁸ Ср. De reсе, 89.

ИЗ РЕЧИ «О МИРЕ»

(66) «Но я полагаю, что нам следует уйти с этого собрания, не только приняв решение о мире, но и обсудив, как мы будем его соблюдать...»
и до

«Мне не хватило бы оставшейся части дня, если бы я попытался перечислить все ошибки, допущенные в наших государственных делах...»³⁹

Опустив то, что стоит посредине, прибавь это: «Какое же может быть избавление от нынешних несчастий...?»⁴⁰ Средства, с помощью которых можно было бы исправить и улучшить положение нашего города, следующие: во-первых, если советниками в государственных делах сделаем таких людей, каких мы хотели бы иметь советниками в наших частных делах, и перестанем считать сикофантов — сторонниками демократии, а людей почтенных и добропорядочных⁴¹ — приверженцами олигархии...». И так далее по тексту речи.

(67) Итак, вы прослушали отрывки из двух моих речей: но я хочу прочесть кое-что и из третьей, чтобы вам стало ясно, как все мои речи защищают основы добродетели и справедливости. Речь, которую вы сейчас услышите, обращена к Никоклу Кипрскому, находившемуся в то время на царском престоле; она давала ему советы, как управлять подданными. Написана она в манере, не схожей с читавшимися выше. (68) В цитированных речах каждое высказываемое положение всегда согласовывалось и связывалось с тем, что говорилось выше; в этой же речи мы наблюдаем обратное. Я пытаюсь каждый высказываемый совет выразить кратко, оторвав его от предыдущего, как бы разбив все на так называемые главы. (69) Этот план я избрал по той причине, что надеялся своими советами принести наибольшую пользу его духовному развитию, а также свои мысли разъяснить наиболее быстрым способом. По этой же самой причине и теперь я решил прочесть ее перед вами не как лучший образец из написанного мною, но для того, чтобы вы из этой речи яснее всего могли увидеть, как я привык держать себя, сближаясь как с частными лицами, так и с династами. (70) Из речи будет видно, что я обращаюсь к Никоклу свободно, не роняя достоинства своего государства, без угодливого преклонения перед его богатством и могуществом, но выступая в пользу подданных, добиваясь для них всеми возможными для меня средствами самой мягкой формы правления. Но если, обращаясь к царю, я защищаю в своей речи народ, то уж, конечно, обращаясь к политическим деятелям в демократическом государстве, я заведомо должен призывать их к защите интересов большинства! (71) Во введении и в самом начале речи я порицаю монархов за то, что в то время как им больше других надлежит воспитывать свой разум, на практике они получают образование худшее, чем частные лица. Закончив разговор об этом, я советую Никоклу оставить легкомыслие и не вести себя так, как если бы он унаследовал царскую власть наподобие жреческой, но, забыв о наслаждениях, уделять все свое внимание серьезным делам. (72) Пытаясь убедить его в том, что следует считать недопустимым, когда у него на глазах худшие властвуют над лучшими, а глупые и бездарные повелевают более разумными, я говорю ему, что чем больше он будет презирать неразумие других, тем острее он будет оттачивать свой ум. Начав с того места, на котором я закончил, прочти им и из этой речи оставшуюся часть.

³⁹ См. перевод речи «О мире», ВДИ, № 3, стр. 251 (§ 25), стр. 256 (§ 56).

⁴⁰ Там же, стр. 266—267 (§ 132—133).

⁴¹ Καλοὺς καὶ ἀγαθοὺς — так называли в Афинах конца V и IV в. приверженцев олигархии (ср. Th u c., VIII, 48, 6).

ИЗ РЕЧИ «К НИКОКЛУ»⁴²

«Более же всего ты поощришь себя к этому, если проникнешься убеждением, что скверно, когда худшие правят лучшими, а неразумные распоряжаются умными»

И ДО

«Мудрыми считай не тех, кто тонко спорит о мелочах, а тех, кто правильно рассуждает о важном. *Используй то, что тебе советуют, или старайся отыскать лучшее*»⁴³.

(74) Что касается речей, то я полагаю достаточным то, что прочитано, да еще в таком количестве. Я не мог бы, пожалуй, отказаться даже от небольшой части того, что было написано мною прежде, но стал бы излагать содержание и этой части, если бы оно мне показалось важным и целесообразным для настоящего критического момента. В самом деле, было бы нелепо, если бы я, видя, как другие пользуются моими речами, сам стал умалчивать о сказанном мною прежде⁴⁴ — особенно сейчас, когда я решился прочесть вслух перед вами не малые части, но целые отрывки. И мы станем это делать, как только выпадет подходящий случай.

(75) Я сказал как-то, прежде чем начать читать вам эти речи, что не только должен понести ответственность, если мои речи приносят вред, но заслуживаю самого сурового наказания, если не окажусь автором таких речей, каких никто другой не сочиняет. Если кто-нибудь из вас в тот момент отнес эти слова за счет хвастовства и высокомерия, то он поступил несправедливо, продолжая придерживаться этой точки зрения. Я полагаю ведь, что выполнил свое обещание и что прочитанные мною здесь речи таковы, как я о них говорил в самом начале. (76) Хочу теперь коротко высказаться перед вами в защиту каждой речи и сделать для всех еще более ясным, что я и тогда и теперь говорю о них только истину. Прежде всего, какая речь может быть более священной и справедливой, чем та, которая восхваляет предков соответственно их добродетелям и подвигам, ими совершенным? (77) Далее, какая речь является более патриотической и приличествующей достоинству нашего государства, чем та, которая доказывает, что наши права на гегемонию (как следствие военных подвигов и иных благих дел) являются гораздо большими, чем права лакедемонян? Кроме того, какая речь трактует о более прекрасных и великих делах, чем та, которая призывает эллинов к походу против варваров и советует в отношениях друг с другом соблюдать единодушие?

(78) Итак, обо всем этом я говорю в первой речи, в остальных же я говорю о менее важных, чем эти, но все же небесполезных вещах, могущих принести немало пользы нашему государству. Вы увидите, каково их значение, если сравните их с другими идеями, которые слывут полезными и пользующимися славой.

(79) Все вы, я полагаю, согласитесь с тем, что существование законов является причиной наиболее великих и многочисленных благ в жизни людей⁴⁵. Но природа законов такова, что польза от них находит свое выражение только в делах, касающихся государства, а также соглашений, которые заключаются между нами самими. Но если вы

⁴² См. речь «К Никоклу», § 14 — ВДИ, 1965, № 3, стр. 223 (перевод Э. Д. Фролова).

⁴³ См. речь «К Никоклу», § 39 — ВДИ, 1965, № 3, стр. 226 (перевод Э. Д. Фролова). Слов, набранных курсивом, в речи «К Никоклу» нет.

⁴⁴ Ср. Phil. 93 сл.; Archid. 7; ср. также Phil. 84 сл.

⁴⁵ Ср. Paneg. 39 сл.

прислушаетесь к моим речам, то сумеете всю Элладу устроить прекрасным образом, справедливо и с пользой для нашего государства. (80) Нужно, чтобы разумные люди стремились достигнуть обе эти цели, но из них предпочтение надо отдать более важной и достойной. Надо обратить также внимание и на то, что издавать законы могли и многие другие эллины и варвары во все времена, а вот сказать о полезном достойным всей Эллады и нашего государства образом — немногие, пожалуй, смогут. (81) Поэтому людей, избравших в качестве своей профессии сочинение подобных речей, надо ценить выше людей, составляющих и вносящих законы, ровно настолько, насколько сами они являются более редкими, дело их — более трудным, а дар их — нуждающимся в более остром разуме, особенно сейчас. (82) Когда началось становление рода человеческого и люди стали объединяться в государства ⁴⁶, было естественно, что создание тех и других оказалось делом сходным. Но поскольку мы ныне так продвинулись вперед, что число и сочиненных речей и принятых законов стало поистине бесконечным, а из законов стали восхваляться наиболее древние, как из речей — наиболее новые, то оба эти вида человеческой деятельности не могут теперь совершаться одним и тем же разумом. (83) У тех, кто поставил себе целью составление законов, в распоряжении все множество уже существующих — так что у них вовсе нет необходимости искать новые, но они могут просто собрать те законы, что пользуются славой у других (это легко сможет сделать всякий, кто только пожелает); с теми же, кто занимается сочинением речей, вследствие наличия множества предшественников, происходит обратное. Если они будут говорить то же самое, что говорилось до них, — они прослынут болтунами и бесстыдными людьми; когда же они пытаются сказать что-либо новое, то находят его с трудом. Поэтому-то я и говорю, что заслуживают похвалы и те, и другие, но гораздо больше те, кто в состоянии совершать более трудное дело ⁴⁷.

(84) Но в то же время мы окажемся людьми, которые теснее придерживаются истины и более полезны для общества по сравнению с теми, кто притворяется, будто они призывают к справедливости и сдержанному благоразумию. Ведь последние призывают к той добродетели и благоразумию, которые другим неизвестны и даже ими самими оспариваются, я же призываю к той, о которой все придерживаются единодушного мнения. (85) Указанные люди чувствуют себя удовлетворенными, если им удастся вовлечь кого-нибудь в свое содружество благодаря известности, которой они пользуются; я же, напротив, никогда никого из частных лиц к себе не приближал, но пытаюсь убедить все наше государство в целом воплотить в жизнь планы, осуществление которых приведет к благополучию и их самих и всех остальных эллинов избавит от настоящего бедственного положения. (86) Как же можно поверить, что человек, призывающий всех своих сограждан встать во главе эллинов для осуществления благих и справедливых целей, занимается развращением окружающих его учеников? Кто, могущий сочинять такие речи, стал бы собирать вокруг себя дурных людей на дурные дела, особенно получив от них то, что получаю я?

(87) Написав и издав эти речи, я и славу себе завоевал среди множества людей и учеников многочисленных к себе привлек, из которых ни один не пожелал бы у меня остаться, если бы не нашел меня именно таким, каким ожидал найти. И вот, хотя их оказалось у меня столь большое число и одни из них обучались у меня три, другие — четыре года, не найдется среди них никого, кто бы меня в чем-нибудь упрекнул за

⁴⁶ Ср. Панег. 32 сл.

⁴⁷ Отражение этих идей мы находим позже у Цицерона (С i с., De orat. I, 2—5).

то, что происходило в моей школе. (88) Напротив, закончив обучение, когда они уже собирались отплыть к своим родителям и друзьям, они обнаружили такую любовь к моей школе, что расставались с тоской и слезами. Кому же должны вы верить? Тем, кто точно обо всем осведомлен — и о моих речах ⁴⁸, и о моем образе жизни, или тому, кто ничего не знает о моих делах, но решил выступить в качестве сикофанта? (89) А он ведь дошел до такой степени наглости и бесстыдства, что, написав на меня донос, будто я учу сочинять такие речи, которые дают возможность добиваться победы на суде нечестным путем, — не представил никаких доказательств этому! И он все время твердил, что это преступно — развращать таких молодых людей (как будто кто-нибудь возражал против этого или же перед ним стояла необходимость доказывать то, с чем вы и так все были согласны, тогда как в действительности перед ним стояла задача доказать только одно — что этим занимаюсь я!). (90) Если бы кто-нибудь его самого привлек к суду, обвинив в похищении людей с целью продажи их в рабство или воровстве, или краже одежды, и, не представив никаких доказательств, стал бы распространяться о том, насколько преступным является каждое из этих действий, — он сам сказал бы, что обвинитель — пустой болтун и просто безумец; а сейчас он полагает, будто вы не замечаете, что он сам выступает с такими же точно речами! (91) Полагаю, даже самые несведущие люди понимают, что среди обвинительных речей имеют значение и заслуживают доверия не те, с которыми можно выступать против совершенно невинных людей, но те, которые можно адресовать только против людей, совершивших преступление. Но он пренебрег этим, произнося здесь речи, совершенно не имеющие отношения к выдвинутому им обвинению. (92) Ведь нужно было, чтобы он и речи указал, которыми я, якобы, развращаю юношей, и имена учеников назвал, которых я развратил своей преподавательской деятельностью ⁴⁹. Но теперь уже ясно видно, что он ничего этого не сделал, но попытался вас обмануть, оставив в стороне тот способ обвинения, который явился бы самым справедливым. Напротив, я построю свою защитительную речь, исходя из тех именно оснований, которые являются достойными и справедливыми.

(93) Несколько выше мы прочитали перед вами речи, являющиеся предметом обвинения. Теперь я поведу речь о тех, кто избрал меня начиная с моих молодых лет до нынешнего преклонного возраста в качестве учителя, и в роли свидетелей того, о чем дальше буду говорить, выставлю тех из вас, кто со мной одного возраста. Среди первых моих учеников были Евном, Лисифид и Каллипп ⁵⁰; после них Онетор, Антикл, Филонид, Филомел, Хармантид ⁵¹. (94) Их всех наше государство наградило золотыми венками не за то, что они тянулись к чужому добру, а за то, что они являются добрыми гражданами и много собственных средств потратили на государственные нужды. Вы можете что угодно думать о моем отношении к ним: в настоящий момент любое предположение послужит мне на пользу. (95) И если вы предположите, что я был их учителем и советником, вы должны будете воздать мне большую честь, чем тем, кто заслужил благодаря своим добродете-

⁴⁸ Ср. P l a t o, Apolog. Socr. 33D сл.

⁴⁹ Ср. P l a t o, Apolog. Socr. 33AB.

⁵⁰ Евном — стратег 388 г. — был послан в Сицилию в 393 г.; по-видимому, его политическая карьера была очень краткой. Каллипп — противник Аполлодора в процессе, в котором Лисифид был арбитром. Ср. P s.- D e m., Ad Callipp. 14. Около 355 г. Лисифид исполнял обязанности триерарха — ср. D e m., C. Timocr. 11.

⁵¹ Антикл неизвестен. Филонид и Онетор — братья; Онетор был противником Демосфена в процессе об опеке — ср. D e m., Ad Aphob. 3. Филомел несколько раз был триерархом, был связан с Мидием — ср. D e m., C. Meid. 174. Дед Хармантида был казначеем сокровищницы Афины.

лям почетный обед в Пританее ⁵²: ведь из числа последних только каждый в отдельности проявил себя в качестве доброго и порядочного человека, я же воспитал большое число таких людей, которых только что назвал. (96) Далее, если даже я ни в малейшей степени не являюсь причастным к имеющимся их заслугам, а был с ними только в дружеских, приятельских отношениях, — то и это, я полагаю, в достаточной степени меня оправдывает от выдвинутого против меня обвинения; если меня любили те, кто получил награду за свои добродетели, то, напротив, совершенно противоположное отношение я встречаю к себе со стороны сикофанта — поэтому можно ли допустить, что я развращаю своих учеников? (97) Ведь я оказался бы самым несчастным человеком, если бы в то время как все остальные люди пользуются, в зависимости от образа жизни и круга связанных с ними людей, доброй или дурной славой, обо мне самом стали бы судить по-другому и если бы я, который общался на протяжении всей своей жизни с такими достойными людьми и достиг такого преклонного возраста, оставаясь ни в чем не запятанным, — был бы теперь уподоблен тем, кто снискал себе дурную славу и подвергается преследованию из-за своего образа жизни и круга лиц, в котором они вращаются. В случае, если окажется, что у меня был учеником человек, подобный этому моему обвинителю, то я охотно хотел бы узнать, какое наказание может меня постигнуть — меня, который ненавидит подобных ему людей и сам ненавидим ими, но все же оказался привлеченным к суду по настоящему обвинению.

(98) Не сможет мне по справедливости принести вреда и тот довод, который, возможно, дерзнут выдвинуть против меня люди из числа тех, кто питает ко мне особую ненависть. Они могут заявить, что с лицами, имена которых я только что назвал, я общался лишь в течение того краткого срока, когда их можно было видеть разговаривающими со мною; все же остальные весьма многочисленные мои ученики были людьми иного пошиба, сующимися во все, — и имена их будто бы я скрываю от вас ⁵³. (99) Но я прошу вас, если в действительности окажется, что некоторые из моих учеников проявили себя как добрые граждане по отношению и к государству, и к друзьям, и к собственному дому, — отметить их похвалой, мне же не воздавать за это никакой благодарности; напротив, если же они окажутся дурными и воспитанными в таком духе, что постоянно стремятся к доносам, тяжбам, пытаюсь присваивать чужое, — наказать меня по строгости закона. (100) В самом деле, что может менее всего вызвать зависть и недоброжелательства и быть более справедливым, чем предложение, автор которого не притязает ни на что, если дело идет о почтенных и добропорядочных гражданах, которых он воспитал, но готов понести наказание, если его ученики окажутся дурными? И это не пустые слова, но я охотно готов признать, что победу одержал обвинитель и вообще любой, кто пожелает выступить против меня, если они смогут назвать такого человека. Ведь дело заключается не в том, что нет людей, которые бы на меня донесли, с удовольствием меня оболгали, но в том, что они немедленно окажутся разоблаченными перед вами, и наказание постигнет их, а не меня.

(101) Итак, по поводу существа обвинения, выдвинутого против меня, и того, что я не развращаю своих учеников, я сказал настолько ясно,

⁵² Ср. P l a t o, Apolog. Socr. 36D.

⁵³ В текстах английского издания (The Loeb Classical Library, Isocrates [Works, II], 1929) и французского издания Budé (Coll. des Universités de France. Isocrate, Discours, III, P., 1960) после последних слов § 98 дается текст, принятый по рукописям Ambrosianus (E) и Laurentianus (Θ), опущенный в Урбинском тексте (Γ): ἔχω γὰρ λόγον ὅς ἐξελέγξει καὶ διαλύσει πάσας τὰς τοιαύτας βλασφημίας («Я готов сразу на ответ, который опровергнет и разрушит все клеветнические измышления такого рода»).

что уж не знаю, смогу ли сказать яснее. Обвинитель вспомнил, однако, о дружественных отношениях между мной и Тимофеем и попытался оклеветать нас обоих, не постыдившись произнести о человеке, который уже скончался⁵⁴ (совершив множество добрых дел на благо нашего государства), поносящие его и совершенно бесстыдные слова. (102) А я, напротив, полагал, что в случае, даже если бы я и был уличен в явной неправоте, дружба с ним должна была бы меня спасти. Но поскольку Лисимах пытается бросить мне и такие упреки, которые по справедливости должны принести мне только пользу, необходимо сказать и о них. Я не упомянул о Тимофее вместе со всеми остальными по той причине, что существуют коренные отличия между их деятельностью. (103) Об упомянутых выше лицах обвинитель не осмелился сказать ничего дурного. Тимофея же он обвинил с большим жаром — по сравнению с тем, как он выступал по основному обвинению. Ведь те лица были связаны с небольшим количеством государственных дел, и каждый из них выполнял порученное ему дело так, что получил награду, упоминавшуюся мною выше⁵⁵. Тимофей же долгое время выступал в качестве лица, ответственного за многочисленные и важные дела в государстве. По этой причине обвинитель не смог бы одновременно говорить о нем и о тех других, но по необходимости вынужден был сделать различие между ними и придерживаться определенного порядка. (104) Не следует, однако, думать, будто все, что я стану говорить о Тимофее, не имеет отношения к настоящему делу, и что тем самым я выхожу за рамки предъявленного мне обвинения⁵⁶. Простым гражданам подобает ведь, после того как они высказались по существу своего дела, покинуть трибуну — иначе они покажутся излишне назойливыми. Тому же, кого все считают советником и учителем, следует защищать в своей оправдательной речи одинаково как своих учеников, так и самого себя — в особенности, если кто-нибудь из таких людей окажется привлеченным к суду по подобному делу. А это именно со мной и случилось. (105) Для другого человека было бы достаточно, если он просто скажет, что будет несправедливо привлекать его к ответственности за допущенный Тимофеем проступок: ведь этого человека никто не награждал теми же дарами и почестями, которые по решению народного собрания присуждались Тимофею, и никто из ораторов не считал возможным похвалить этого человека за советы, данные им Тимофею. В самом деле, будет справедливо или получать часть тех благ, которые выпадали на долю Тимофея, или же вовсе не нести ответственности за его неудачи. (106) Но я лично постеснялся бы такое сказать и внесу в связи с этим такое же предложение, какое внес по другому поводу: а именно, я готов нести свою долю ответственности в случае, если Тимофей проявил себя как дурной гражданин и оказался во многом перед вами виноватым — и прошу вас наказать меня так, как наказывают людей, повинных в совершении преступления. Но если он проявил себя и как добрый гражданин, и как полководец, равного которому мы не знаем, — то в этом случае, я полагаю, вам следует его похвалить и доказать ему свою благодарность⁵⁷.

⁵⁴ Закон, приписываемый Солону, запрещал плохо говорить о мертвых. Ср. De bigis, 22; Plut., Sol. 21.

⁵⁵ Ср. § 94.

⁵⁶ Стороны клялись не выходить за рамки обсуждаемого на суде вопроса. Ср. Arist., Ath. Pol. 67, 1; Dem., C. Eubul. 7, 60. Ср. Arist., Rhet. I, 1, 10: ὁ νόμος κωλύει λέγειν ἔξω τοῦ πράγματος. Однако в судебной практике это постоянно нарушалось.

⁵⁷ О Тимофее см. Согн. Нер., Timoth.; Dioid., XV, 36; Xen., Hell. V, 4; VI, 2. Тимофей, сын Конона, любимый ученик Исократы, как полководец впервые проявил себя в 378 г., когда вместе с Хабрием и Калистратом возглавил афинскую эскаду.

Что же касается настоящего обвинения, в связи с которым я и даю отчет о своей деятельности, то решайте так, как это покажется вам справедливым.

(107) Говоря вообще о Тимофее и всей его деятельности, я должен заявить, что он силой захватил столько городов, сколько никто другой из числа лиц, носивших звание стратега как в нашем государстве, так и в остальной Элладе, не захватывал; и некоторые из них были взяты таким образом, что все окружающие эти города земли должны были вступить в дружественные отношения с нашей страной: таким влиянием обладал каждый из захваченных городов. (108) Кто не знает Коркиру, расположенную вблизи Пелопоннеса⁵⁸, Самоса, находящегося вблизи Ионии, Сеста и Критоту на Геллеспонте, Потидею и Торону⁵⁹ из числа близких к Фракии (причем все эти города расположены в самых удобных и прекрасных местах)? Тимофей захватил их и передал нам, не потратив на это больших средств, не задевая интересов наших союзников, не заставляя вас вносить большие суммы в качестве чрезвычайного военного налога. (109) Он взял Коркиру⁶⁰, хотя наше государство дало ему всего 13 талантов и пятьдесят триер, чтобы он мог совершить поход⁶¹ вокруг Пелопоннеса. У Коркиры же было 80 триер, к этому времени она в морском бою одержала победу над лакедемонянами⁶² и заставила их пойти на тот мир, который настолько изменил положение этих двух государств, (110) что с этого дня мы стали ежегодно приносить жертвы богине мира⁶³, ибо этот мир принес такую пользу нашему государству, какую никакой другой мир не приносил. Что же касается спартанцев, то с этого времени ни один человек не видел ни их флота за пределами мыса Малей, ни пешего войска, переходящего через Истм, так что иной, пожалуй, мог бы предположить, что это было причиной поражения, которое они потерпели в битве при Левктрах. (111) Совершив эти подвиги, он отправился в поход против Самоса⁶⁴. В свое время Перикл, завоевавший величайшую славу благодаря своей мудрости, справедливости и благоразумию⁶⁵, покорил этот остров, имея 200 кораблей и 1000 талантов⁶⁶, Тимофей же, не взяв ни большой, ни малой суммы у вашего государства, без обложения союзников взял Самос после 10 месяцев осады с помощью 8000 пелтастов и 30 триер и выплатил войнам деньги из захваченных у врага сумм. (112) И если мне покажут другого человека, совершившего подобный подвиг, то я готов признать в том, что болтаю попусту, так сильно восхваляя человека, не совершившего ничего выдающегося по сравнению с другими. Отплыв отсюда, он взял Сест и Критоту; в то время как вы не заботились о Херсонесе, он заставил вас обратить на него пристальное внимание. (113) Наконец,

ру, выступившую против спартанцев. В Союзнической войне 357—355 гг. Тимофей вместе с Менесфеем и Ификратом был обвинен третьим стратегом — Харесом — в измене, за что был присужден к уплате 100 талантов (ср. § 129 сл.). Не будучи в состоянии выплатить эту огромную сумму, он бежал в Халкиду, где вскоре умер (ср. прим. 80).

⁵⁸ Коркира, лежащая скорее ближе к Эпиру, чем к Пелопоннесу, имела важное значение — см. *Thuc.*, I, 33, 36; *Xen.*, *Hell.* VI, 2.

⁵⁹ Торона и Потидея были захвачены Тимофеем в 364 г. до н. э.: примерно в это же время Тимофей получил от персидского сатрапа Ариобарзана, которого Афины и Спарта поддерживали против персидского царя, Сест и Критоту.

⁶⁰ Это произошло в 375 г. до н. э. О походе см. *Xen.*, *Hell.* V, 4, 64.

⁶¹ По Ксенофону — 60 триер (*Hell.* V, 4, 63).

⁶² В битве при Левкаде в 375 г. до н. э.

⁶³ *Socin. Ner.*, *Timoth.* 2. Культ богини мира (*Eirene*) в Афинах был официально установлен в 374 г. вследствие договора со Спартой, признавшей Второй Афинский морской союз.

⁶⁴ Самос был взят Тимофеем в 366/5 г.

⁶⁵ Ср. *De bigis.* 28, где о Перикле говорится почти в таких же выражениях.

⁶⁶ Перикл взял Самос в 439 г. до н. э.

он взял Потидею ⁶⁷ — город, на который ваше государство истратило прежде 2400 талантов, — израсходовав те деньги, которые добыл сам, вместе со взносами, поступившими из Фракии, да еще к тому же покорил всех халкидян. Если есть необходимость сказать кратко, не останавливаясь на деталях, можно заявить, что он сделал вас господами над 24 городами, израсходовав меньше средств, чем истратили наши отцы на осаду мелосцев ⁶⁸.

(114) Мне хотелось бы с такой же легкостью, с какой я перечислил эти подвиги, обрисовать коротко и те обстоятельства, при которых они были совершены, рассказать о положении дел внутри нашего государства и показать силу врагов. Тогда благодеяния, совершенные им, покажутся вам гораздо большими, и самое его достоинство возрастет в ваших глазах. В данный момент, однако, я оставлю все это в стороне из-за обилия фактов: (115) я предполагаю, однако, что вы с удовольствием услышите, по какой причине некоторые из тех, кто казались тогда необыкновенно воинственными и прославившимися среди вас людьми, не смогли захватить и небольшого поселения; Тимофей же, будучи не слишком крепкого сложения и не пройдя школы в войсках, блуждающих по всему свету, являясь таким же гражданином, как и вы, совершил такие великие подвиги. Рассказ об этом может вызвать и недобрые чувства, однако является весьма полезным напоминанием. (116) Ведь он отличался от других полководцев прежде всего тем, что его мнение по поводу общегреческой политики, а также отношений с союзниками и связанных с последними дел не совпадало с вашим. Ведь вы выбираете своих стратегов, обращая внимание на то, чтобы они были физически сильными, накопили военный опыт в составе наемных войск, чтобы с их помощью добиваться желаемого результата. А Тимофей использовал таких людей в качестве лохагов и таксиархов ⁶⁹, (117) но сам оказался наделен способностью решать те вопросы, в которых хороший полководец особенно должен проявлять свой талант и ум ⁷⁰. Какое значение имеют эти вопросы? Здесь нельзя обойтись беглым замечанием, но надо сказать обо всем подробно. Во-первых, огромное значение имеет способность определить, с кем надо вести военные действия или, напротив, кого надо привлечь на свою сторону в качестве союзника: это лежит в основе полководческого искусства, и если здесь будет допущена ошибка, то и самой войне неизбежно будут сопутствовать неудачи, она может оказаться трудной и бесполезной. (118) В решении подобных вопросов никто не оказался хотя бы приблизительно подобен ему, не говоря уже о том, чтобы быть ему равным. Об этом легко можно составить себе представление, рассмотрев его деяния. Хотя он провел большое количество войн без соответствующего постановления нашего государства, он тем не менее закончил их счастливо и, по мнению всех эллинов, справедливо провел все эти войны. Кто мог бы указать на более яркий и более убедительный пример проявления мудрой рассудительности, чем этот? (119) Во-вторых, чем еще должен отличаться хороший полководец? Умением набрать войско, достаточное для предстоящей войны, способностью построить его

⁶⁷ В 364 г. до н. э.

⁶⁸ По поводу осады Мелоса во время Пелопоннесской войны см. прим. 79 к переводу речи «Панегирик» — ВДИ, 1965, № 4, стр. 229 (перевод К. Колобовой). Ср. Th u s., V, 84—116; Paneg., 100, 110; Panath., 63, 89.

⁶⁹ Афинская пехота делилась на десять больших отрядов — таксисов; каждый из таксисов в свою очередь делился на десять лохов. Командиры таксисов и лохов назывались соответственно таксиархами и лохагами.

⁷⁰ Намек прежде всего на Хареса, соперника и врага Тимофея. Ср. Pl u t., Mor. 187. Исократ противопоставляет здесь войну, как чисто военные действия (Харес), войне, связанной с политикой (Тимофей).

на поле битвы и целесообразно использовать. Как он умел пользоваться своими войсками, свидетельствуют сами его деяния; что же касается великолепной и достойной нашего государства подготовки к войне, то этим он настолько выделялся из всех полководцев, что даже враги его не осмелятся отрицать это. (120) К этому надо добавить способность переносить различные затруднения, встающие перед войском, недостаток денег и, кроме того, умение изыскивать средства. Кто из тех, кто вместе с ним проделал военные походы, не отдаст ему предпочтения в указанных отношениях? Эти люди прекрасно знают, как в начале компаний вследствие того, что он ничего не брал от нашего государства, он оказывался в крайне затруднительном положении из-за недостатка денег, но он всегда умел так изменить положение вещей, что и в войне ⁷¹ одерживал верх, и воинам выдавал плату сполна. (121) Хотя он обладал данными столь великолепными и столь необходимыми, его еще более следует похвалить за то, о чем пойдет речь ниже. Он, видя как вы считаете достойными государственными мужами только тех, кто разражается угрозами по адресу других государств ⁷² и запугивает их, кто всегда затевает что-либо новое по отношению к союзникам, — не поддался господствующим среди вас настроениям и не захотел, нанося вред своему государству, прославить самого себя, но думал только о том (и поступал соответственно этому), чтобы ни одно из эллинских государств не питало страха по отношению к нему, а наоборот, относилось к нему с доверием, за исключением только тех, кто поступает несправедливо. (122) Он ведь знал, что те, кто подвергся утрашению, всегда ненавидят людей, из-за которых они оказались ввергнутыми в такое состояние духа, и что государство наше станет более могучим и преуспевающим, пользуясь дружбой других государств; напротив, навлекая на себя ненависть с их стороны, оно окажется едва ли не на грани величайшей катастрофы ⁷³. Воодушевленный этими идеями, Тимофей покорял врагов с помощью войск нашего государства, а благодаря своему характеру привлекал симпатии остальных, полагая, что такая тактика является гораздо лучшей, нежели превосходящей ту, которая позволяет силой овладеть многими городами и добиваться частых побед в сражениях ⁷⁴. (123) Он настолько заботился о том, чтобы никакое государство не питало ни малейшего подозрения против него и не опасалось с его стороны злого умысла, что каждый раз, когда он должен был проплывать вблизи одного из тех государств, которое не платило взносов в афинскую казну ⁷⁵, отправлял туда вестника, с тем, чтобы тот оповестил архонтов. Он делал это с той целью, чтобы внезапное появление его судов на рейде не вызвало у них тревоги и смуты. (124) Когда он высаживался с войсками на берег, он не разрешал воинам грабить ⁷⁶, обворовывать и громить жилища, заботясь о предотвращении всего этого не меньше, чем собственники вещей. Ведь он стремился не к тому, чтобы, потворствуя подобным действиям воинов, завоевать у них популярность, а к тому, чтобы наше государство пользовалось славой среди эллинов. (125) Кроме того, с теми городами, которые он покорял, он обращался кротко, сохраняя основы законности, — так, как другие не обращались с союзниками.

⁷¹ τῶν πολέμων — чтение рукописей; Бензелер заменяет: τῶν πολέμων («что и над врагами...»).

⁷² Снова намек на Хареса. Ср. De pace, 125; P l u t., Mor. 187D.

⁷³ Ср. De pace, 29 сл., 37.

⁷⁴ Ср. Phil., 68; I s o c r., Epist. I, 21.

⁷⁵ Ср. Areop. 2; De pace, 29.

⁷⁶ Разграбление городов — обычное явление в войнах, где сражались армии наемников. Ср. D i o d., XVI, 22, 1; D e m., Phil. I, 24; Chers. 24—26; Schol. ad Demosth. Olynth., 34; A e s c h y n., De leg. 71; P l u t., Phoc. 14.

Он полагал, что подобный образ действий по отношению к побежденным врагам ⁷⁷ будет в глазах у всех служить величайшей гарантией невозможности с его стороны каких-либо незаконных действий по отношению к другим государствам. (126) Вследствие этой славы, которую он приобрел благодаря таким действиям, многие из враждебно настроенных по отношению к вам государств принимали его; открывая городские ворота. Со своей стороны он не учинял в них никакого разгрома, но оставлял их в том состоянии, в каком он их заставал; когда входил туда. (127) Однако итог всего заключается в следующем. В то время как в прошлом многочисленные и тяжелые неурядицы и бедствия были обычным явлением среди эллинов, при нем никто не смог бы указать на случаи, когда сносились бы целые города, изменялись государственные устройства, изгонялись и убивались граждане или происходили другие страшные беды ⁷⁸. Все это стало настолько редким в то время, когда он был стратегом, что Тимофеем оказался единственным из всех на нашей памяти, кто не навлек на наше государство никаких обвинений со стороны эллинов. (128) Следует считать хорошим стратегом не того, кто благодаря одному счастливому случаю добился такого успеха, как Лисандр ⁷⁹ (что никому другому не удавалось), но того, кто, оказываясь много раз в самых различных трудных положениях, всегда находил правильное и разумное решение: а именно таким и оказался Тимофей.

(129) Полагаю, что многие из вас изумляются сказанному мной и считают, что похвала Тимофею является обвинением в адрес нашего государства, поскольку оно обвинило его, взявшего столько городов и не сдавшего ни одного, в государственной измене. И опять же, когда он давал отчет в своей деятельности и за дела его поручился Ификрат ⁸⁰, а за денежные суммы согласился отчитаться Менесфеем ⁸¹, оно последних оправдало, Тимофея же оштрафовало на такую сумму, на какую никто из наших предков не был оштрафован. (130) Так обстоит дело; но я хочу сказать несколько слов в защиту нашего государства. Если вы станете разбирать это дело только с точки зрения самого принципа справедливости, то нет никакой возможности рассматривать то, что совершено по отношению к Тимофею, иначе, чем как вопиющую несправедливость. Но если вы примете в расчет недостаток понимания, которым мы все, будучи людьми, отличаемся, недоброжелательство и зависть, которые

⁷⁷ Ср. Pl at., 11—15.

⁷⁸ Ср. Panath., 259.

⁷⁹ Имеется в виду битва при Эгоспотамах.

⁸⁰ Ификрат — афинский полководец первой половины IV в. до н. э., сын Менесфея и зять Тимофея, видный предводитель наемных войск. Он создал новый род войск — пехоту, стоявшую по своему вооружению посредине между легковооруженными и тяжелооруженными (гоплитами) — пельтастов. См. Согн. Нер., Iphicr. 1; Di o d., XV, 44; P o l y a e n., III, 9, 32 et passim. Неудачные действия его во время Союзнической войны (357—356 гг.) и, в частности, сражение при Эмбате (осень 356 г.) привели к тому, что против него был начат процесс — Di o d., XVI, 21; Согн. Нер., Iphicr. 3; P s.-P l u t., Vitae X orat. p. 139; P o l y a e n., III, — вскоре после которого Ификрат умер (судя по тому, что Демосфен в речи «Против Мидия», относящейся к 353/2 г. до н. э., говорит о нем, как об умершем). Ср. прим. 57.

⁸¹ Менесфей, отец упомянутого выше Ификрата, тесть Тимофея, был сподвижником последних по командованию афинским войском и флотом в Союзнической войне. Данные источников о роли Менесфея в этой войне расходятся: согласно Непоту (Timoth. 3), Менесфей был главнокомандующим, отец же и тесть были ему даны в качестве советников. Напротив, Диодор (XVI, 21, 4) говорит о суде над Ификратом и Тимофеем, не упоминая имени Менесфея и указывая при этом, что оба — Ификрат и Тимофей — были приговорены к значительным денежным штрафам (согласно Согн. Нер., Timoth. 3, Тимофей был оштрафован на 100 талантов). Кроме Исократ, об этом процессе упоминают: Согн. Нер., Iphicr. 3; P s.-P l u t., Vitae X orat. p. 139; P o l y a e n., III, 9, 29. О защитительной речи Ификрата на процессе см. Arist., Rhet. II, 23, 7; Quintil., V, 12, 10; Aristid., II, p. 385; ср. прим. 57 и 80.

возникают в нашей душе, к тому же те неурядицы и беспокойства, в условиях которых мы живем, — это дело не будет воспринято как нечто необъяснимое, чуждое человеческой природе; да и сам Тимофей в какой-то степени способствовал тому, что дело о нем было решено не надлежащим образом. (131) Ведь он, не будучи по натуре ни противником народа, ни мизантропом, ни гордецом и не имея других подобных недостатков, казался всем обладающим ими из-за свойственного ему чувства собственного достоинства, весьма полезного для стратега, но вредного в тех нуждах и случайностях, которые всегда выпадают на долю человека. Он был настолько же неспособен к тому, чтобы угождать людям, насколько проявлял свою одаренность в практической деятельности. (132) Действительно, он часто слышал от меня, что тем, кто занимается государственной деятельностью и желает быть угодным народу, следует из всех дел выбирать самые полезные и лучшие, как из речей — наиболее справедливые и истинные, а особенно обращать внимание на то, чтобы все, что они станут делать или говорить, казалось всем приятным и вызванным чувством любви к людям; я говорил также, что пренебрегающие всем этим оказываются в глазах своих сограждан неприятными и докучливыми людьми. (133) «Ты видишь, как большинство людей по природе склонны к наслаждениям и по этой причине общение с людьми, старающимися угодить им, они предпочитают общению с теми, кто действует для их собственного блага: они больше любят тех, кто с блеском и показной любовью к людям обманывает их, чем тех, кто действительно приносит им пользу, сохраняя при этом свою гордость и достоинство. Ты же ни о чем таком не позаботился, но думаешь, что если ты подобающим образом проявил себе во внешнеполитических делах государства, то и твои сограждане будут питать к тебе добрые чувства. (134) Однако дело обстоит обычно совсем не так, а совершенно наоборот. Если ты угоден своим согражданам, то обо всем, что ты станешь делать, они будут судить не с точки зрения истинной сути вещей, но с точки зрения твоих интересов. Допущенные тобой ошибки они оставят без внимания, а достигнутые успехи превознесут до небес. Благожелательность настраивает всех людей именно таким образом. (135) В то время как ты всячески стараешься снискать благожелательность других, считая ее величайшим благом по отношению к своему государству, ты полагаешь, что сам не нуждаешься в том, чтобы заручиться ею для самого себя в своем собственном городе: совершив для него необыкновенное множество благодеяний, ты оказался принятым в нем хуже, чем те, которые ничего достойного упоминания не совершили. (136) И это естественно: последние ведь всячески угождают ораторам и тем, кто выступает с речами в частных собраниях⁸², притворяясь, будто они все знают, ты же не только ими пренебрегаешь, но находишься в состоянии открытой вражды с теми из них, кто пользуется наибольшим влиянием. Представляешь ли ты себе, сколько людей тяжело пострадало от их лживых речей, сколько других оказались лишенными гражданской чести, — людей, которые были гораздо более порядочными и достойными, чем те, которых прославляют в песнях и трагедиях? (137) Эти, я полагаю, нашли себе поэтов и историков, а те не отыскивали людей, которые бы их воспели. Если ты послушаешься меня и захочешь внять голосу разума, ты не станешь презирать тех людей, которым толпа привыкла доверять не только в делах, касающихся каждого отдельного гражданина, но и в общегосударственных. Обрати на них внимание и старайся им угодить, чтобы

⁸² Возможно, что Исократ имеет в виду афинян, постоянных посетителей лавочек и мастерских агоры, ср. Агеор. 15; не исключено также, что мы имеем здесь намек на гетерии.

снискать себе славу двумя путями: во-первых, собственными деяниями, во-вторых, через посредство речей упомянутых лиц».

(138) Прослушав все это, он заявил, что я говорю правду, но что сам он не в силах изменить свою природу: он был человеком добрым и порядочным, достойным своего государства и всей Эллады, но не был угоден таким людям, которые всегда тяготятся другими, превосходящими их своими качествами. Поэтому ораторы и сделали это своей профессией — выдумывать и сочинять множество всяких ложных обвинений против него. Толпа же охотно соглашалась с тем, что они говорили.

(139) Я бы с удовольствием выступил, чтобы оправдать его от этих обвинений, если бы имел подходящий случай, и полагаю, что если б вы прослушали мою защитительную речь, вы бы воспылали ненавистью к тем, кто навлек на него гнев нашего государства и кто осмеливается дурно говорить о нем. Но сейчас я оставляю все это в стороне и вновь поведу речь о себе и настоящем деле.

(Продолжение следует)
